

Р О М А Н Ы

РОБЕРТА СОЙЕРА

Оппенгеймер. Альтернатива

Старплекс

Блюз Красной планеты

Мнемоскан

НЕАНДЕРТАЛЬСКИЙ ПАРАЛЛАКС

Гоминиды

Люди

Гибриды

Robert J. Sawyer

MINDSCAN

Роберт Сойер

МНЕМОСКАН

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44
C58

Robert J. Sawyer
Mindscan

Copyright © 2005 by Robert J. Sawyer
Дизайн Елены Кулаковой

Перевод Владислава Слободяна

Сойер, Роберт.
C58 Мнемоскан / Роберт Сойер ; [перевод с английского В. Слободяна]. — Москва : Эксмо, 2026. — 400 с.

ISBN 978-5-04-211297-3

Джейк Салливан перехитрил смерть, перенеся сознание в идеальное тело андроида. Но когда копия Джейка находит любовь, а оригинал неожиданно исцеляется и стремится вернуть себе жизнь, возникает главный вопрос: кто настоящий? Один — в зале суда, другой — на Луне. На кону не только судьба Джейка, но и само определение того, что значит быть человеком.

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-211297-3

© В. Слободян, перевод на русский язык,
2026

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Мы не можем ожидать полного согласия
ни по одному вопросу, касающемуся индивидуальности,
однако каждый из нас вынужден давать ответы
в наших сердцах и действовать исходя из наиболее
правдоподобных предположений.*

ДЖАРОН ЛАНЬЕ,
Журнал исследований сознания

Пролог

Март 2018

В ЭТОЙ ССОРЕ НЕ БЫЛО НИЧЕГО ОСОБЕННОГО. Клянусь Богом, ничего. Мы с папой ругались миллион раз и прежде, но ничего ужасного не происходило. Ну да, он пару раз выгонял меня из дома, а когда я был маленьким, отсылал к себе комнату или лишал карманных денег. Но ничего подобного *этому* никогда не случалось. Я снова и снова прокручиваю в голове, как он преследует меня. И то, что *его* он не преследует, что он ничего этого не помнит, меня ничуть не утешает. Вообще не утешает.

Дед моего отца сделал состояние в пивоваренной индустрии: если вы вообще знаете что-нибудь про Канаду, то наверняка знаете «Салливан Селект» и «Олд Салли Премиум Дарк». Денег у нас всегда было как деръма.

«Как деръма». Так я тогда выражался; полагаю, воспоминания об этом возрождают и мой прежний лексикон. Когда я был подростком, на деньги плевать хотел. Фактически я даже соглашался с большинством канадцев, что прибыль, получаемая крупными корпорациями, неприлична и недопустима. Даже в якобы эгалитарной Канаде богатые становились богаче, а бедные — беднее, и я это ненавидел. Тогда я многое всего ненавидел.

— Где ты это взял? — кричал мой отец, размахивая фальшивым удостовериением личности, которым я воспользовался, чтобы купить выпивки в местном «Макдональдсе». Он стоял на ногах; он всегда вставал, когда ругался. Отец был худощав, но, думаю, считал свой двухметровый рост устрашающим.

Мы были в его «берлоге» — речь о доме в Порт-Кредите. В Порт-Кредит вы попадаете, если после выезда из Торонто едете дальше на запад вдоль берега Онтарио, и даже тогда —

когда же? кажется, в 2018-м — это всё ещё был преимущественно белый район. Богатый и белый. Окна выходили на озеро, которое в тот день было серым и неспокойным.

— Друг сделал, — ответил я, даже не взглянув на удостоверение.

— Значит, ты больше не встречаешься с этим другом. Господи Иисусе, Джейк, тебе же всего семнадцать! — Тогда, как и сейчас, покупать алкоголь в Онтарио разрешалось с девятнадцати лет; табак — с восемнадцати. Можете представить себе его возмущение.

— Ты не можешь указывать, с кем мне общаться, — ответил я, глядя в окно. Над волнами кружились чайки. Если они могут подниматься к небесам, то почему мне нельзя? Например, с помощью спиртного.

— Ещё как могу! — взревел отец. У него были длинное лицо и густая тёмная шевелюра, начинавшая седеть на висках. Если то был 2018-й, отцу было тридцать девять. — Пока ты живёшь под моей крышей, будешь делать то, что я говорю! Предъявление фальшивого удостоверения — серьёзное преступление.

— Серьёзное, если ты террорист или похититель личности, — сказал я, глядя на него через широкий стол тикового дерева. — Детей постоянно ловят на покупке выпивки, и всем плевать.

— Мне не плевать. Твоей маме не плевать! — Мама снаружи играла в теннис. Было воскресенье — единственный день, когда отец обычно не работал. И именно в этот день ему позвонили из полицейского участка. — Продолжишь выкидывать такие штуки, и...

— И что? Никогда не стану таким, как ты? Да я молюсь об этом! — Я знал, что это попало в самое яблочко. Когда отец бесился по-настоящему, у него всегда вздувался вертикальный сосуд посреди лба.

Я обожал, когда удавалось его до этого довести.

— Ты мелкая неблагодарная тварь, — сказал он дрожащим голосом.

— Хватит с меня этого дерьяма, — ответил я, поворачиваясь к двери и собираясь покинуть поле боя победителем.

- Нет уж, ты меня выслушаешь! Если ты...
- Отвянь, — сказал я.
- ...не прекратишь...
- Я всё равно ненавижу это место.
- ...вести себя как идиот...
- И я ненавижу тебя!

Молчание. Я повернулся и увидел, как он падает в своё чёрное кожаное кресло. Когда он завершил падение, кресло повернулось на половину оборота.

— Папа! — Я быстро обежал стол и кинулся к нему. — Папа! — Никакого ответа. — О господи! Нет! Нет, нет...

Я поднял его с кресла; в моей крови было столько адреналина, что я едва ощущал его вес. Уложив его долговязое тело на деревянный пол, я кричал:

— Папа! Очнись, папа!

Я зацепил ногой корзину для бумаг со встроенным шредером, и бумажные ромбики разлетелись повсюду. Скорчившись рядом с отцом, я попытался нащупать пульс — пульс был, и он вроде бы ещё дышал. Но никак не реагировал на то, что я говорил.

— Папа! — Совершенно не зная, что делать, я легко похлопал его по щекам, и из уголка его рта показалась тонкая нить слюны.

Я быстро поднялся, обернулся к его столу, нажал кнопку громкой связи и быстро набрал 9-1-1. После этого я снова подсел к отцу.

Телефон издал три казавшихся бесконечными гудка.

— *Пожарные, полиция, скорая?* — спросил женский голос, казавшийся тихим и далёким.

— Скорая!

— *Вы находитесь по адресу...* — сказала женщина и продиктовала его. — *Всё верно?*

Я приподнял отцу правое веко. Слава богу — его глаз повернулся, уставившись на меня.

— Да, да, всё верно. Поторопитесь! Мой отец потерял сознание!

— *Он дышит?*

— Да.

— Пульс?

— Да, пульс есть, но он без сознания, и он не реагирует на мои слова.

— Скорая уже выехала, — сказала женщина. — С вами есть ещё кто-нибудь?

У меня тряслись руки.

— Нет, никого.

— Не оставляйте его.

— Я буду с ним. Господи, да что же с ним могло случиться?

Женщина-оператор проигнорировала мой вопрос.

— Помощь уже в пути.

— Папа! — сказал я. Он издал булькающий звук, но непохоже, что это был ответ. Я вытер ему слону и немного наклонил голову, чтобы воздух проходил свободнее. — Папа, пожалуйста.

— Не паникуйте, — сказала женщина в телефоне. — Сохраняйте спокойствие.

— Господи, господи боже!..

* * *

СКОРАЯ ОТВЕЗЛА НАС В МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР «ТРИЛЛИУМ» — БЛИЖАЙШУЮ БОЛЬНИЦУ. Как только мы там оказались, отца переложили на каталку; его длинные ноги не помещались на ней и свисали сзади. Быстро появился доктор, посветил фонариком в глаза и постучал по колену молоточком, получив в обоих случаях обычную рефлекторную реакцию. Он несколько раз попытался заговорить с отцом, потом приказал:

— Быстро сделайте ему МРТ головы.

Санитар покатил каталку прочь. За всё это время отец не произнёс ни единого членораздельного слова, хотя иногда издавал какие-то тихие звуки.

К тому времени, как приехала мама, отца уже уложили в постель. Стандартная правительственная медстраховка гарантирует вам место в общей палате. У отца была расширенная страховка и, соответственно, отдельная палата. Разумеется.

— О господи, — повторяла мама снова и снова, закрыв лицо руками. — О, мой бедный Клифф! Мой дорогой...

Мама была одного возраста с отцом, у неё были круглое лицо и искусственно выбеленные волосы. На ней всё ещё красовался теннисный костюм — белый топ, короткая белая юбка. Она много играла в теннис и была в хорошей форме; к моему смущению, даже некоторые из моих друзей считали её привлекательной.

Вскоре к нам пришёл лечащий врач, вьетнамка лет примерно пятидесяти. На бейджике на ее груди значилось «Д-р Тхань». Не успела она открыть рот, как мама спросила:

— Что с ним? Что случилось?

Доктор Тхань была сама доброта — я всегда буду её помнить. Она взяла маму за руку и заставила сесть. А потом сама присела на корточки, так, чтобы её глаза оказались на одном уровне с мамиными.

— Миссис Салливан, — сказала она. — Мне очень жаль. Новости неутешительные.

Я стоял у мамы за спиной, положив руку ей на плечо.

— Что это? — спросила мама. — Инсульт? Господи, да Клиффу ведь всего тридцать девять. Он слишком молод для инсульта!

— Инсульт может случиться в любом возрасте, — сказала доктор Тхань. — Но, хотя технически это и правда разновидность инсульта, это не то, что вы думаете.

— Что же тогда?

— У вашего мужа врождённый порок, который мы называем АВМ — артериовенозная мальформация. Это переплетение артерий и вен без промежуточных капилляров. Обычно капилляры создают сопротивление, замедляя кровоток, а в случаях, подобных этому, сосуды имеют очень тонкие стенки и потому могут лопнуть. И когда такое происходит, кровь потоком изливается в мозг. При той форме АМВ, что имеется у вашего мужа — она называется синдромом Катеринского, — сосуды могут лопаться каскадом, один за другим, как пожарные рукава.

— Но Клифф никогда не говорил...

— Вероятно, он не знал. Это можно увидеть на МРТ, но люди обычно начинают делать МРТ только после сорока.

— Чёрт побери! — сказала мама, которая практически никогда не ругалась. — Мы же могли заплатить за обследование! У нас...

Доктор Тхань взглянула на меня, потом снова посмотрела маме в глаза.

— Миссис Салливан, поверьте, это ничего бы не изменило. Состояние вашего мужа не поддаётся коррекции. АМВ наблюдается у одного человека из тысячи, а синдром Катеринского — лишь у одного из тысячи носителей АМВ. Горькая правда состоит в том, что основной формой диагностики синдрома Катеринского является вскрытие. Вашему мужу на самом деле повезло.

Я посмотрел на отца, лежащего в постели с трубкой в носу, с иглой в руке, с отвисшей нижней челюстью.

— То есть с ним всё будет хорошо, да? — спросила мама. — Он поправится?

Голос доктора Тхань был очень печален.

— Нет, он не поправится. Когда лопаются сосуды, прилегающие к ним части мозга разрушаются потоком крови, бьющим в ткани. Он...

— Он — что? — спросила мама с явной паникой в голосе. — Он ведь не превратится в растение?! О господи, бедный Клифф! Господи Иисусе...

Я посмотрел на маму и сделал нечто такое, чего не делал уже лет пять. Я заплакал. Перед глазами всё расплылось, и точно так же поплыли мысли. Доктор продолжила давать объяснения, я слышал слова «тяжёлая олигофрения», «полная афазия» и «поместить в стационар».

Он не вернётся. Он не умирает, но уже не оживёт. И последние мои слова, зафиксированные его сознанием, были...

— Джейк. — Доктор Тхань звала меня по имени. Я протёр глаза. Она поднялась на ноги и смотрела на меня. — Джейк, сколько тебе лет?

Я уже взрослый, подумал я. Я достаточно взрослый, чтобы стать главой семьи. Я позабочусь обо всём, позабочусь о маме.

— Семнадцать.

Она кивнула.

— Тебе тоже надо сделать МРТ, Джейк.
— Что? — переспросил я; сердце внезапно заколотилось. — Зачем?

Доктор Тхань подняла тонкую бровь и сказала очень, очень тихо:

— Синдром Катеринского передаётся по наследству.
Я почувствовал, что снова поддаюсь панике.
— Вы... вы хотите сказать, что я могу кончить так же, как отец?!

— Просто пройди сканирование, — ответила она. — Катеринского у тебя запросто может не оказаться, но проверить нужно.

Я этого не перенесу, подумал я. Не перенесу превращения в овощ. Возможно, я не только подумал это; доктор Тхань улыбнулась улыбкой доброй и мудрой, словно услышала, как я говорю это вслух.

— Не волнуйтесь, — сказала она.
— «Не волнуйтесь»? — Во рту у меня было сухо, как в пустыне. — Вы сказали, что это... эта болезнь неизлечима.
— Это правда; дефект находится так глубоко в мозгу, что его нельзя исправить хирургически — пока нельзя. Но вам всего семнадцать, а медицина прогрессирует невиданными темпами. Даже с тех пор, как я начала работать, всё неизвестно изменилось. Кто знает, что станет возможным через двадцать или тридцать лет?

Глава 1

Двадцать семь лет спустя: август 2045

В БАЛЬНОМ ЗАЛЕ «ФЭЙРМОНТ-РОЙАЛ-ЙОРК-ОТЕЛЯ» В ТОРОНТО БЫЛО ОКОЛО СОТНИ ЧЕЛОВЕК, И ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ПОЛОВИНЕ ИЗ НИХ ЖИТЬ ОСТАВАЛОСЬ ОЧЕНЬ НЕДОЛГО.

Конечно, будучи богатыми, те, кто находился на пороге смерти, пользовались последними достижениями косметических технологий: подтяжками лица, физиognомическими перестройками, даже лицевой трансплантацией. Меня приводила в замешательство вид двадцатилетних лиц, приделанных к скрюченным телам, но, по крайней мере, трансплантации выглядели лучше, чем жутко растянутые лица остальных.

Но и это, напоминал я себе, были косметические улучшения. Фальшиво-юные лица были приставлены к старым, распадающимся телам — причём совершенно износившимся. Из присутствующих в зале старииков большая часть стояли на ногах, некоторые сидели в самоходных инвалидных колясках, кое-кто опирался на ходунки, у одного ноги были закованы в механизированную арматуру, а на другом была полноценный экзоскелет.

Теперь и старость не такая, как прежде, подумал я, качая головой. Сам-то я не был стар — мне было сорок четыре. Печально, конечно, но я использовал свои пятнадцать минут славы в самом начале, даже не подозревая об этом. Я оказался первым ребёнком, родившимся в Торонто 1 января 2001 года, — первое дитя нового тысячелетия. Конечно, гораздо больше шума было вокруг девочки, которая родилась 1 января 2000-го, года, не примечательного ничем, кроме трёх нулей на конце. Но это было ничего: последнее, чего мне хотелось, это

быть на год старше, потому что через год я уже вполне могу быть мёртв. Старый анекдот снова всплыл у меня в памяти:

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, — сказал доктор. — Жить вам осталось недолго.

Молодой человек нервно сглотнул.

— Сколько?

Доктор печально покачал головой:

— Десять.

— Десять чего? Десять лет? Десять месяцев? Десять...

— Девять... Восемь...

Я тряхнул головой, чтобы прогнать эту мысль, и снова огляделся. «Фэйрмонт-Роял-Йорк» был отличным отелем, построенным в первые славные дни эпохи железнодорожных путешествий, и переживал возрождение теперь, когда над старыми путями начали летать поезда на магнитной подвеске. Отель располагался через дорогу от вокзала Юнион-стэйшн невдалеке от набережной Торонто — в добрых двадцати пяти километрах от места, где по-прежнему стоял дом моих родителей. С потолка бального зала свисали канделябры, оригиналы живописных полотен украшали стены, оклеенные рельефными обоями. Официанты во фраках сновали туда-сюда, предлагая вино. Я подошёл к бару и заказал томатный сок, обильно приправленный вустерским соусом: этим вечером мне нужна ясная голова.

Когда я отступил от бара со своим напитком, оказался рядом с какой-то старой дамой, выглядящей именно так, как и положено старой dame: с морщинистым лицом и белыми волосами. Среди окружающего разгула фальши и отрицания очевидного она выглядела приятным исключением.

Женщина улыбнулась мне, хотя улыбка вышла несколько кривоватой — у неё явно раньше был инсульт.

— Вы здесь один? — спросила она. Её приятный голос был по-южному тягуч и подрагивал, как это свойственно старым людям.

Я кивнул.

— Я тоже, — сказала она. На ней были тёмный жакет, блузка более светлого оттенка и такие же тёмные брюки. — Сын отказался вести меня сюда.